

Алисар спустился по широким ступеням, вырезанным в диком камне. Он шел по пути, который тысячи лет назад прорубили его предки, чтобы беспрепятственно попадать в долину, давным-давно созданную падением звезды. Той самой звезды, из которой по легенде был выкован родовой меч Дейнов — Рассвет.

Многие в Вестеросе считали, что сам замок Дейнов стоит на месте падения, но в действительности Звездопад выстроили на ближайшем к Быстроводной краю каменного плато. К западу плато поднималось выше, скоро переходя в горы, отмечающие границу между Дорном и Простором. На востоке оно заканчивалось крутым склоном, обрываясь устьем реки. Сам же след звезды представлял собой почти идеально-круглую долину радиусом в две третьих мили, со всех сторон защищённую неприступными скалами, рождёнными — как гласили летописи — тем древним ударом.

Долина была плодородна. Тучные пастбища пересекали полноводные ручьи, берущие своё начало в предгорьях к северу и теряющиеся под скалами южного края. Виноградники и разнообразные плодовые деревья приносили богатый урожай. Работники замка собирали апельсины и лимоны, вишни и сливы, гранаты, финики и оливки, временно складировали всё в пристройках неподалёку от единственной лестницы, чтобы позже спустить часть на хранение в погреба замка, а остальное отвезти на речные пирсы для отправки на продажу.

Сойдя вниз на мягкую почву долины, Алисар слегка перевёл дух и уже который раз за последний год порадовался, что три поколения назад его предок озаботился снабдить этот спуск коваными перилами. Он с содроганием представлял себе, как бы ему пришлось здесь ковылять с больной ногой, цепляясь только за щербины в стене слева.

Казалось бы, ну что такое какая-то жалкая сорокафутовая лестница для крепкого еще мужчины? Пятьдесят шесть лет пусть и далеко не молодость, но и не дряхлая старость. Можно еще показать себя и на турнире, и в настоящем бою. Жаль только, старая рана колена последнее время вновь начала напоминать о себе, из-за чего передвигаться стало намного труднее. Причём от болей не слишком помогали даже лучшие припарки и мази их замкового мастера! Алисар ненавидел ощущать себя слабым и больным, но поделать с этим ничего не мог. Оставалось только вспоминать о давней битве на палубе его «Белого клинка» и сетовать на собственную нерасторопность.

Впрочем, больное колено сейчас было наименьшей из его забот. Гораздо большее беспокойство вызывала гражданская война, бестолковый сын, против его воли вступивший в Королевскую Гвардию, и, конечно же, дочь.

Алисар прошел по тропинке между деревьев и замер на распутье. Прислушавшись к шелесту листьев и щебетанию птиц, он уловил еле слышное пение и свернул на недавно протоптанную дорожку, ведущую в сторону самого дикого уголка долины, где находилась старая Богороцца. Чем ближе подходил Алисар, тем менее ухоженными становились деревья и кустарники.

В далёком прошлом такими оставляли две трети долины, как дань уважения Старым Богам. Когда-то здесь росли десятки белых деревьев с хмурыми лицами, вззирающими на мир своими кровоточащими глазами, теперь же от тех гигантов остались лишь неподвластные времени пни. Дейны давно приняли свет Семерых и постарались избавиться от символов старой веры, но семейные хроники ничего не говорили о том, кто именно поднял топор на чародрева. Однако небольшой клочок долины и сейчас оставался практически нетронутым человеком — по какой-то странной привычке все просто обходили его стороной. Алисар и сам до недавнего времени забредал сюда разве что в полузабытом детстве.

Через несколько десятков шагов деревья расступились, и Алисар вышел на небольшую зелёную поляну, раскинувшуюся между тремя огромными белыми пнями. В центре поляны две женщины — его жена Эсменет и их младшая дочь Эшара — плавно двигались по кругу, непременно оставаясь при этом напротив друг друга, и напевали странную песню, в которой слышалось что-то неуловимо чуждое и от того тревожное. Юная Эшара держала на руках младенца. Ни Алисар, ни Эсменет не знали языка той песни — мать просто повторяла за дочерью, стараясь следовать за мелодией.

Всё началось пару месяцев назад... или, может быть, лет? Алисар затруднялся точно сказать, но про себя всегда винил тот проклятый турнир в Харенхолле и ненавистного Старка, который заделал Эшаре бастарда. Нет, Алисара не слишком расстраивало то, что его дочь родила вне брака, в конце концов, они дорнийцы, а не лицемерные ханжи из других королевств. Да и малышка получилась на загляденье — милая, смышлёная и бойкая. Вся в мать. Она, конечно же, могла стать проблемой, если бы он попытался найти Эшаре мужа за пределами Дорна, но это его слабо волновало — достойных мужчин хватает и на родине. Гораздо сильнее Алисара тревожило, что, вернувшись домой, дочь начала вести себя как-то... странно. Сначала этого никто не замечал, а всякие мелочи списывали на беременность — женщины на сносях часто начинают чудить, Алисар хорошо помнил, как это происходило с Эсменет. Но ребёнок родился, а лучше Эшаре не стало. Наоборот, чем больше проходило времени, тем очевиднее становилось — что-то не так. Эшара всё глубже погружалась в себя, отвечала невпопад, забывала про еду, а иногда застывала на месте, глядя в никуда, и ни на что не реагировала. Только заботясь о дочурке, которую назвала Аллирией, она по-настоящему оживала.

А с недавнего времени Эшару стало неудержимо тянуть в долину, теперь она через день бегала сюда вместе с дочкой на руках, чтобы станцевать у белых пней, напевая что-то непонятное.

Первый раз, когда она, никого не предупредив, ушла в долину, поднялся настоящий переполох. Случилось это посреди ночи, благодаря чему Эшаре удалось выбраться наружу незамеченной, хотя она вряд ли осознанно старалась это сделать. Обнаружили её только под утро, когда она уже возвращалась в замок, растерянно оглядываясь по сторонам. Позже выяснилось, что Эшара помнила только, как легла спать, а очнулась уже в долине рядом с пнём чародрева.

Сначала Алисар хотел приставить к дочери наблюдателей из стражи и слуг, которые бы следили, чтобы она больше никуда не убегала, но жена отговорила его. Он достаточно долго был владельцем Рассвета, чтобы признать, что происходит нечто гораздо более странное и опасное, чем лунатизм, о котором твердил мейстер, поэтому решил положиться в этом деле на Эсменет. Его супруга была знакома с магией куда ближе, чем большая часть жителей семи королевств, и уж точно понимала в колдовских штучках побольше мейстера, у которого в цепи пока ещё отсутствовало звено из валирийской стали.

Алисар стоял, молча наблюдая за своими любимыми женщинами. Они сделали еще два круга, после чего остановились. Когда их голоса совсем стихли, ему показалось, что на поляну опустилась звенящая тишина. Эшара притихла с закрытыми глазами, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, словно травинка на лёгком ветерке, и прижав к себе безмятежно спящую Аллирию.

Эсменет немного помедлила, встревоженно разглядывая дочь, затем тихо вздохнула и направилась к мужу. Алисар невольно подумал, что супруга, разменяв пятый десяток, совсем не утратила своей экзотической красоты. пышная грива медно-красных волос, самую малость битых сединой, прекрасно сочеталась со слегка бронзовой кожей и пронзительными зелёными глазами, морщинки вокруг которых придавали и прежде завораживающему взгляду особую мудрость.

— Как она? — спросил он, когда Эсменет приблизилась.

— Всё так же, как последние три раза, — глухо ответила та, устало прислонившись к ровному стволу яблони, рядом с которой стоял Алисар. — Пока я не присоединилась, она танцевала и пела, ни на что не обращая внимания, потом начала танцевать со мной, но и только. — Эсменет спрятала лицо в руки и прошептала: — Помилуй меня Матерь, я не понимаю, что происходит! Мне едва известны основы искусства теней, а здесь правит нечто совершенно иное. Возможно, если бы я училась дольше...

Алисар взял её за плечи, мягко притянул к себе и нежно обнял.

— Прекрати, — твёрдо сказал он. — Мы не можем знать, что могло случиться, если бы ты задержалась в услужении у того ублюдка. Я отлично помню, с каким ужасом ты рассказывала о других подмастерьях, которые с собачьей преданностью исполняли каждый его каприз. Колдун хотел сделать тебя такой же, и ты сама говорила, что до этого оставалось недолго. — Алисар ослабил объятья и посмотрел жене в глаза. — К тому же, если бы ты промедлила, то попала бы на совсем другой корабль, и мы бы никогда не встретились.

Эсменет родилась и выросла в Новом Гисе, но с Алисаром судьба свела их совсем не там. Когда ей не было ещё и десяти лет, её семья, принадлежавшая к высшему обществу этого города-государства, проиграла в борьбе за власть. Всех взрослых победители казнили или отправили в гладиаторские ямы, имущество разделили между собой, а юную Эсменет отдали как часть платы колдуну из Асшая, которого нанимали для помощи в этой борьбе. Так она оказалась во власти жестокого чародея, который приказал именовать себя хозяином, и никак иначе.

Забрав Эсменет в Асшай, колдун не стал использовать её для призыва демонов или иных жутких ритуалов, как она в страхе ожидала, вспоминая старые сказки. Он приступил к её обучению своему ремеслу, но, как вскоре выяснилось, ему не нужна была ученица или наследница, как начало грезится глупой девочке. Колдун хотел сделать из неё едва осознающий себя инструмент, бесконечно преданный владельцу, но обладающий достаточными знаниями, чтобы помогать в колдовском искусстве. Для такого дела не подходили обычные рабы, хоть и самые вышколенные, ведь крамольным мыслям подвержены даже Безупречные, а в магии и неправильная мысль может всё испортить. Колдун знал, как это обойти, но чтобы безвольные куклы, которых высокопарно называл "подмастерьями" могли приносить пользу, их для начала нужно было обучить всему необходимому, ведь после финального ритуала они полностью теряли способность учиться чему-то новому.

Эсменет видела пустые взгляды других подмастерьев и понимала, что в конце концов станет такой же. Поэтому она всеми силами старалась найти способ сбежать из чёрного города.

Случай ей представился только спустя шесть лет, как раз в то время, когда в порту Асшая, что у Тени, стоял корабль с падающей звездой и мечом на парусах.

— Я знаю. Знаю, но не могу не думать об этом, — ответила Эсменет, отстраняясь от мужа.

— Что, если мне не хватает только самой малости, чтобы понять это проклятье и разрушить его? Или хотя бы точно сказать — проклятье ли это вообще?

— Но чем это может быть, кроме проклятья, Эсми? Вспомни, какой она была, и какой стала. Её разум помутился еще до всех этих танцев, а со временем всё стало только хуже!

— Нет, не стало, — Эсменет упрямо покачивая головой. — С тех пор как Эшара начала ходить к корням белых деревьев, она намного реже уходит в себя. Последние две недели такого вообще

не было ни разу.

Алисар хотел продолжить спор, но увидел, как их дочь вздрогнула, открыла глаза и теперь растерянно оглядывалась по сторонам.

— Милая, — позвала её Эсменет, тоже заметив, что Эшара очнулась, и поспешила к дочери.

— Мама? — неуверенно спросила Эшара, удивлённо посмотрев на Эсменет, после чего перевела взгляд на Алисара. — Отец? Мы... мы решили прогуляться?

— Да, так и есть. Воздух фруктовых рощ куда полезнее для твоей малышки, чем затхлые закутки замка, — поспешно ответила Эсменет, бросив на мужа предостерегающий взгляд.

Алисар сложил руки за спиной, тихо скрипнул зубами, но кивнул. Как бы он себя ни чувствовал из-за всего происходящего, но лишний раз беспокоить Эшару не хотел. Это в любом случае бессмысленно и даже опасно. Прежде всякий раз, когда они пытались напомнить ей о её танцах около пней, ничем хорошим это не заканчивалось.

От необходимости врать вслух Алисара спасло пробуждение внучки.

— У-а-а-у-у-а, — захныкала Аллирия, недовольно потягиваясь на руках матери.

— Ой, посмотрите, кто проснулся, — сказала Эсменет, наклонившись к внучке. — Горазда же ты спать, малышка.

Аллирия на миг умолкла, уставившись на бабушку своими фиалковыми глазами, а затем разревелась пуще прежнего.

— Думаю, она проголодалась, — хмыкнула Эсменет. — Спросонья она такая же сладстена, как и ты, Эша.

— Тогда не буду заставлять её ждать, — улыбнулась в ответ Эшара, отстёгивая от платья фибулу в форме герба Дейнов и освобождая левую грудь. Она поднесла Аллирию ближе, и та с явным удовольствием ухватилась за сосок. — Вот так, молодец, — хихикнула Эшара, нежно погладив дочь по голове. — Кушай хорошо, скоро приедет твой папа и тебе понадобятся силы, чтобы таскать его за волосы.

Сердце Алисара пропустило удар. Что-то в последней фразе сказало ему — это не просто болтовня для утешения ничего не понимающего ребёнка.

— Эшара, если не секрет, скоро, это когда? — спросил он, стараясь сохранять ровный голос. — Нехорошо, если мы будем не готовы к визиту.

— В ближайшие дни, — немедленно ответила она, не отрывая взгляда от Аллирии. — Он уже недалеко.

— Вот оно как... — медленно протянул Алисар, крепко сжав спрятанный за спиной кулак. — Хорошо.

Эсменет обеспокоенно взглянула на него, а потом обратилась к дочери:

— Эшара, ты уже достаточно погуляла, так что возвращайся в свои покои. Думаю, покушать пора не только Аллирии, но и тебе тоже. Да и перепеленать её пора.

— А? Да, конечно, — удивлённо моргнув, сказала Эшара, и направилась к тропинке. Эсменет же подошла к мужу и крепко вцепилась пальцами в локоть. На полпути Эшара остановилась и обернулась: — А вы не пойдёте?

— Пойдём, но чуть позже. Ты иди, милая, а мы тебя скоро нагоним, — сказала Эсменет, нежно улыбаясь дочери.

Когда силуэт Эшары скрылся среди деревьев, Эсменет требовательно посмотрела на Алисара и вполголоса спросила:

— Что ты задумал?

— Я убью его, — прямо ответил он, и не думая что-либо скрывать. — Если этот северный ублюдок действительно явится сюда, живым он обратно не уйдёт. И всё это, наконец, закончится.

— Не вздумай! — всполошилась Эсменет. — Подумай о последствиях! Старк в союзе с Арреном, Баратеонами и Талли, думаешь, мы можем позволить себе такую вражду? И что, если Старк тут вовсе ни при чём?!

— Семь Адов, женщина, наша дочь начала сходить с ума после того проклятого турнира, а теперь еще и бегаёт к этим древним пням! Даже знает, что он близко, хотя не приходило никаких писем, не было воронов. Кто еще это может быть, кроме этого деревопоклонника?! — вспыхнул Алисар.

— Кто и что угодно, — решительно заявила она. — Это волшебство, но мы ничего о нём не знаем, и поэтому не можем позволить себе необдуманные действия. Представь, что будет, если Старк умрет, но для Эшары ничего не изменится? Мы просто наживём себе врагов без решения своих проблем. Или еще хуже. Что, если вслед за ним погибнет и наша дочь? Я слышала, что некоторые колдуны в Асшае были способны на такое...

Алисар прикрыл глаза и с шумом выдал воздух сквозь стиснутые зубы.

— Проклятье, — прошипел он, до хруста стиснув кулаки.

— Пожалуйста, Алисар, поклянись, что не будешь ничего предпринимать, пока мы не узнаем больше, — умоляюще прошептала Эсменет. — Сейчас наше первейшее оружие это осторожность, а не клинок.

— Я... — начал Алисар, но умолк на полуслове и покачал головой. — Мне нужно подумать об этом. — Он прикрыл глаза и глубоко вздохнул: — Давай пока просто вернёмся в замок.

Эсменет внимательно посмотрела ему в глаза и молча кивнула. Слова более были не нужны, ведь она понимала, что её доводы достигли его разума.

Алисар открыл длинный тубус из розового дерева с серебряными застёжками, достал из него свёрнутую в рулон плотную ткань и разложил её на широком рабочем столе. Большая высокоточная карта одного из Летних Островов с городами, деревнями, дорогами и ближайшими водами с указанными течениями была не нарисована тушью, а мастерски вышита

нитями разных цветов, скрупулёзно демонстрируя множество мелких деталей и полезных подробностей.

По словам Джалабхара Ксо, продавшего Алисару сие произведение искусства несколько лет назад, это была карта его родного острова, которым он некогда правил. Дейна мало интересовал и сам летиниец, и его вероломные родичи, о которых тот мог ныть часами напролёт. Он вообще считал, что Эйрис оставил изгнанника при дворе только из желания заполучить необычного шута, считающего себя лордом. Но благодаря этой прихоти бывшего короля, Алисар смог получить в своё распоряжение эту удивительную вещь, что безмерно радовало его.

Алисар обожал карты иных земель и с большим удовольствием искал новые экземпляры в свою коллекцию. Они напоминали ему о молодых годах, когда он избороздил половину Летнего моря на своём дромоне «Белый клинок» — побывал во множестве мест, повидал множество чудес. В последнем своём дальнем плавании добрался даже до полумифического Асшая и убедился, что многие из тех поразительных и страшных историй, которые ходили о чёрном городе, действительно соответствуют истине. То было жуткое место, наверное, самое жуткое, какое Алисар только видел, но именно в этом проклятом городе он нашел любовь всей своей жизни, красавицу Эсменет.

Но времена путешествий и приключений давно прошли, растаяв в тумане лет. Сейчас карты для него были, скорее, развлечением, которое помогало усмирить разбушевавшиеся эмоции и собраться с мыслями.

Алисар взял в руки увеличительную линзу мирийской работы, чтобы рассмотреть одну особо тонкую вязь рядом с изображением какой-то горы, когда его отвлек голос мастера Молета.

— Милорд, только что пришел один из стражников, — проскрипел старик с жиденькой бородёнкой и большим родимым пятном на щеке. — Просил передать, что к воротам приближаются два всадника со знаменем дома Старков.

На мгновение замерев, Алисар опустил лупу и выпрямился. Эшара сказала о прибытии Старка только вчера, и вот он здесь. Это случилось быстрее, чем Алисар ожидал.

— Это точно? — спросил он.

— Хм-м, среди ваших гвардейцев шутников не водится, насколько я знаю, — серьёзно ответил мастер.

— Да, верно, — нахмутив брови, сказал Алисар. Понимая, что глупо сомневаться в людях, которых выбирал сам, ведь это почти то же самое, как не доверять самому себе, всё же переспросил: — Значит, всего двое? Странно. — Он чуть помедлил и направился к двери, бросив уже на ходу: — Прибери здесь всё, только поосторожней с картой, это очень ценный экземпляр.

«Путешествовать только с одним сопровождающим не очень умно. Что же это может значить?» — думал Алисар, спускаясь во двор. Попуту он приказал слуге принести его меч — было бы опрометчиво встречать незваных гостей без оружия, тем более таких. Если ему не понравится то, что он увидит и услышит, клинок может пригодиться.

Алисар закрепил на поясе ножны с простым длинным мечом, после чего поспешил к воротам, где его гвардейцы уже заставили спешиться пару гостей. Первым во двор вошел молодой парень, чьё удлинённое лицо, чёрные до плеч волосы и тёмно-серые глаза говорили Алисару,

что перед ним представитель старковской породы — в наличии были все признаки, описанные в мейстерских книгах.

На второго, более зрелого, с густой каштановой бородой, Алисар бросил лишь мимолётный взгляд, переключив всё своё внимание на вероятного виновника беды своей любимой дочери.

Сложив руки на груди, Алисар остановился, ожидая, когда гости подойдут, должным образом представятся и поприветствуют его. Он решил, что сначала посмотрит, как поведёт себя Старк, а затем либо обнажит сталь, либо последует совету Эсменет.

Непрошенный гость сделал шаг в его сторону, но почти в тот же миг замер и резко повернулся вправо. Проследив за его взглядом, Алисар крепче сжал зубы. Там, на другой стороне двора, неподвижно замерла Эшара, пустым взглядом уставившись на северянина. Мгновение спустя она быстро — едва не переходя на бег — пошла к нему. И Старк, будь он проклят, сделал то же самое, будто забыв о хозяине замка!

— Эшара! — крикнул Алисар, но дочь словно и не услышала его, продолжая идти к Старку, продолжая смотреть лишь на него.

Мысленно рыча, оскорбленный отец уже собрался вытащить меч или приказать стражникам схватить северян, но прежде, чем он успел определиться, всякое движение во дворе прекратилось. Сделав еще несколько шагов, Эшара Дейн и Эддард Старк неподвижно застыли в паре десятков футов друг от друга, будто натолкнувшись на невидимую стену. Так они и стояли в полной тишине.

Памятуя о советах жены, Алисар медлил с решением, опасаясь прерывать странно затянувшуюся паузу и неосторожным вмешательством навредить дочери.

— Гм, лорд Дейн, мой сюзерен всю дорогу был немного не в себе, — наконец нарушил безмолвие спутник Старка — мужчина с сигилом на одежде в виде двух перекрещённых ржавых топоров и чёрной короны на желтом поле. Алисар признал герб северного дома Дастинов. — Он так рвался увидеть вашу дочь, что я, по правде говоря, даже побаивался, как бы он не свалился с лошади. Не судите его строго, хорошо?

Алисар сощурил глаза, снова окинув взглядом обоих гостей. Казалось, Старк даже не услышал слов своего спутника.

— Не соблаговолите ли представиться, сир? — холодно спросил Алисар.

— А! Прошу прощения, я готов поклясться, что мы уже встречались, хах, — хохотнул разговорчивый гость, хлопнув себя по лбу. — Моё имя Виллам Дастин, лорд Барроутона. И я не сир, никогда не интересовался вашими южными играми. Если ищете на Севере рыцарей, то нужно обращаться к Мандерли. Конечно, они великоваты, толстоваты и засолены почти как железнорожденные, но точно рыцари, — сказал лорд Дастин, кивнув сам себе.

— Вот оно как. Что ж, учту на будущее, — бесстрастно ответил Алисар, пристально разглядывая северян и не принимая предложенного балагуром тона. — Состояние вашего сюзерена, случайно, не заразно? Быть может, мне следует выставить вас обоих вон и приказать моей гвардии не подпускать ближе полёта стрелы?

При его последних словах лицо Старка исказила нешуточная мука.

— Нет, — резко выдохнул он, с усилием переведя взгляд с Эшары на Алисара.

— Нет, отец! — одновременно звонко произнесла Эшара.

— Ну, если бы это было заразно, мы сейчас оба были такими, — поспешно сказал Виллам, стараясь отвлечь внимание Алисара от Старка. Тот прикрыл глаза и медленно, с силой стал массировать переносицу. Вены на его висках вздулись от напряжения. — Это всё усталость от долгой дороги, — уверенно заявил Дастин. — Если вы прикажете своим слугам поднести нам хорошего вина, ему быстро станет лучше.

— Благодарю за заботу, Виллам, но в этом нет нужды, — сказал Старк уже обычным тоном, посмотрел на Алисара и с достоинством поклонился: — Лорд Дейн, искренне сожалею, что сразу не оказал вам должного почтения, как хозяину этого замка. Не знаю, что на меня нашло. Прощу прощения и позвольте воспользоваться вашим гостеприимством.

Несколько мгновений Алисар изучал лицо юного Старка, который застыл каменным изваянием, потом посмотрел на свою дочь и согласно кивнул.

— Что ж, так и быть... лорд Старк, — произнёс он, сделав акцент на титуле. Если бы Алисар смотрел чуть менее внимательно, то пропустил бы, как едва заметно дёрнулась щека Старка, и теперь был доволен, что дал понять юноше — ему здесь не рады. — Входите, разделите со мной пищу и будьте моим гостем. Нам многое нужно обсудить.

Алисар неспешно поднялся в свой солярий в малой башне главного чертога. В который раз за последние часы мысленно перебирая слова Эддарда Старка, он пытался понять, о чём тот умолчал, соотнести с тем, о чём северянин просто не мог знать и просчитать последствия.

Войдя в помещение, освещенное парой тусклых светильников, лорд Дейн напрямик двинулся к своему столу, на котором его ждал бутылка крепкого вина, и наполнил стоящий там же серебряный кубок. Затем подошел к высокому узкому окну, оперся плечом о край и задумчиво посмотрел вдаль на широкую гладь Быстроводной, в спокойном зеркале которой мерцали блики звёзд.

Глава дома Дейнов понимал, что будет вынужден дожидаться окончания войны, чтобы затем посетить столицу, где ему придётся ловчить и хитрить, выторговывая лучшие условия контрибуции, надеясь, что Старки купятся на его блеф и не переусердствуют с ценой. От его ловкости и хитрости зависит, с чем останутся Дейны, когда вся история закончится. Алисар был настроен решительно — Рассвет должен вернуться в руки его исконных владельцев и не важно, чем ради этого придётся пожертвовать.

За его спиной раздались мягкие шаги. Алисар обернулся, уже зная, кого увидит, и не ошибся. Его жена подошла ближе, выходя на свет убывающей луны, льющейся из оконного проёма. Под этим светом цвет лица Эсменет казался нездорово-бледным.

— Наш сын мёртв, — спокойно произнесла Эсменет, но Алисар знал, что это лишь маска.

— Да, так и есть, — согласился он, снова взглянув на воду.

— Мне послать весть в Горный Приют?

— Нет, это было бы неуместно. — Алисар покачал головой, осознавая, что привлекать родственников, поднаторевших в тёмных делах, это совсем не то, что им нужно, по крайней мере, сейчас.

— Почему? — её голос дрогнул. — Ты собираешься просто отпустить их?

Алисар тихо вздохнул, отстранился от окна и повернулся к жене.

— Еще этим утром ты просила меня не убивать Старка. Неужели за это время твои аргументы потеряли силу?

— Им незачем убивать Старка, но он может обойтись и без спутника, — прошипела она, яростно сверкнув глазами. — Кровь Дастина стара и сильна. Она пригодится мне, когда я пойму, как оторвать нашу дочь от этого мальчишки.

— Эсми, ты больше двух десятилетий всеми силами избегала всего, чему научилась в Асшае, а теперь решила обратиться к самой отвратительной магии, какую только знаешь? Не слишком ли?

И тут Эсменет не выдержала.

— Слишком?! Ты говоришь — слишком?! — выкрикнула она, подлетев к нему и вlepив звонкую пощёчину.

Алисар даже не думал перехватывать удар, понимая, что бушующие чувства невозможно сдерживать вечно, а его жене просто необходимо выпустить всё то, что она прятала с момента прибытия гостей за маской радушной хозяйки.

— Этот грязный варвар не только обесчестил и проклял нашу дочь, но и убил сына! А теперь смеет являться сюда и, глядя нам в глаза, порочить имя Эртура своей ложью! — продолжала Эсменет. Из её сверкающих глаз ручьём хлынули слёзы, и она снова замахнулась на мужа.

На этот раз Алисар не стал подставляться, одного раза ему было достаточно. Он мягко, но твёрдо перехватил занесённую для удара руку, притянул жену к себе и крепко обнял. Эсменет забилась в его объятиях, пытаясь вырваться, но он не позволил. В конце концов, она затихла, уткнулась лицом ему в грудь и тихо зарыдала.

— Ну-ну, милая, поплачь и успокойся, — прошептал Алисар ей на ухо. — Ты всегда была сильной, так прошу тебя, возьми себя в руки. Я знаю, ты можешь. Если слишком тяжело, то подумай о Эшаре и будь сильной ради неё.

— Как... как ты можешь быть таким спокойным? — слабо всхлипнув, произнесла она.

Алисар вздохнул и поднял голову, уставившись на деревянные балки, поддерживавшие крышу. Ответить ему было непросто, но он знал, что это необходимо. Слишком долго он молчал, скрывая собственные страхи и надеясь на лучшее.

— Наверное... — начал Алисар, — я уже давно смирился с потерей сына и не вижу в рассказе Старка издёвки. Только правду, которая подтверждает мои дание опасения, — он уткнулся лицом в волосы Эсменет и глубоко вдохнул аромат женщины, замершей в его руках, после чего продолжил: — Такая глупая смерть... говорит о том, что, несмотря ни на что, Эртур так и не образумился.

— Что? — спросила Эсменет, подняв на него заплаканные глаза. — О чём ты говоришь?

— Наш родовой клинок... Ты куда лучше многих понимаешь, насколько он уникален.

Эсменет медленно кивнула, одновременно желая и боясь услышать продолжение. Молочно-белое лезвие Рассвета поразило её до глубины души еще когда она впервые увидела его в руках незнакомца, который встал на защиту беспомощной беглянки перед жуткими слугами её господина. Среди асшайских теней этот меч вспоминался ей как нечто невозможно далёкое, чуждое и прекрасное. За время своей жизни в Семи Королевствах Эсменет множество раз любовалась чудесным оружием, нежась в его невидимом сиянии, но никогда не решаясь даже дотронуться, откуда-то зная, что от этого она не получит ничего, кроме боли. Её суть навсегда была отравлена Тенью, и ни время, ни расстояние не могло этого изменить.

— Да... единственное оружие в своём роде, — негромко продолжил Алисар. — Великое наследие Века Героев, если не еще более далёких дней. В Рассвете спит древняя сила... куда там этим хваленным клинкам валирийской стали. Стоит только вступить во владение клинком, и это становится ясно, как день, — сказал он, погружаясь в воспоминания. — И у этой силы есть собственная воля, стремления и... требования.

Алисар умолк и невесело покачал головой.

— Эртур всегда был образцовым рыцарем, с гордостью неся своё звание и клятвы, но в некоторых вещах он оставался наивным мальчишкой, и, что бы я ни делал, продолжал бережно верить в свои иллюзии. Стремясь стать Королевским Гвардейцем, он видел только блеск белых плащей, но предпочитал не замечать ни политической грязи двора, ни недостатков того, кому собирался клясться в верности. — Алисар болезненно поморщился и закончил: — И если у Рассвета вообще есть отвращение к чему-либо, так это к самообману своих хозяев.

Он помолчал, давая жене осознать свои слова, после чего продолжил:

— Когда Эртур всё-таки стал гвардейцем, я надеялся, что, окунувшись в жизнь двора, он, наконец, повзрослеет и откроет глаза на неприглядную правду. Этого было бы достаточно. Возможно, если бы Эйрис был больше похож на своего отца, то не понадобилось бы даже этого. Но... не сложилось. Эйрис был опасным безумцем, и кто знает, какие червоточинки скрывал в себе принц... После той глупости, которую он учинил по завершении турнира, я уже ничему не удивлюсь. И вот наш сын погиб от рук слабой девушки, измученной тяжелыми родами...

— Ты хочешь сказать?.. — произнесла Эсменет, с болью смотря на него.

— Именно так, — ответил Алисар, склонив голову. — Возможно, горе застило тебе глаза, но я-то вижу, что Старк не настолько безумен, чтобы сочинить такую историю и бросить её нам в лицо. Даже при том, что Рассвет в руках его сестры это слишком неправдоподобно. Боюсь, за то время, что мы не видели Эртура, он переполнил терпение меча, и в роковой момент руки и разум подвели его. Это единственное объяснение, в котором я вижу смысл.

— Но что, если Старк понадеялся на защиту, которую даёт ему проклятие нашей дочери? — спросила Эсменет, отказываясь верить тому, что говорил муж. — Что, если он просто злорадствует, зная, что мы не посмеем ничего сделать, опасаясь за жизнь Эшары?

— Не глупи, Эсми, — произнёс Алисар, слегка поморщившись. — Ты же сама видела этого мальчишку. Подобное настолько не вяжется с его поведением, что это даже не смешно. Хоть на мгновение отложи в сторону эмоции и взгляни непредвзято, и ты сразу поймешь, почему я уверен, что прав, пусть совсем и не рад этому.

Он отошел от супруги, взял кубок с вином, который оставил на окне, и передал ей. Эсменет печально посмотрела на темный напиток и сделала большой глоток. Алисар забрал кубок обратно и сам отпил немного.

— К тому же, — добавил он, — сам мальчишка явно чувствует себя немногим лучше, чем Эшара. Похоже, с этим проклятием всё очень сложно. И серьезно.

— Тогда что же нам делать? — спросила Эсменет, наконец полностью смирившись со словами мужа. — Если Старк такая же жертва, где нам искать ответ?

— Не знаю, — ответил Алисар. — Сейчас лучшее, что мы можем сделать, это присматривать за дочерью и искать. Возможно, когда Рассвет вернется к нам, что-то прояснится.

Он мрачно посмотрел на кубок в своей руке, и одним махом осушил его. Каждый хозяин меча со временем начинал проявлять какой-то особый талант, коего не было прежде. Например, отец Алисара получил почти сверхъестественное чувство направления — если он четко представлял куда должен попасть, то никогда бы не заблудился даже в незнакомых местах — а Эртур начал показывать удивительную боевую интуицию. Сам Алисар получил от меча умение чувствовать магию. В нынешние времена этот талант был практически бесполезен. За всю жизнь, со всеми его путешествиями, он по настоящему пригодился ему всего два-три раза, хотя и в действительно серьезных передрягах, а после того, как Рассвет перешел к его сыну, умение практически угасло. Но теперь, когда он снова должен стать хозяином клинка, это может дать им столь необходимую зацепку.

— Возможно... — тихо повторил он.

<http://tl.rulate.ru/book/31769/696630>